

О.В. Попова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАСИЛИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ДЕДОВЩИНЫ В АРМИИ)

Аннотация. Дедовщина, как широко распространившаяся форма экстремизма в современной армии, характеризуется неуставными унижающими человеческое достоинство (насильственными) отношениями среди военнослужащих срочной службы. В статье представлено исследование качественных уровней, модальностей дедовщины (таких как социокультурная, философско-психологическая, этическая), фиксирующих многообразие факторов, влияющих на формирование агрессии и распространение насилия в армейской среде. Также рассмотрены психологические механизмы, обеспечивающие психологическую безопасность и моральное самоуспокоение. К ним относятся: моральное оправдание, подмена понятий, выгодное сравнение, перекалывание ответственности, распределение ответственности, игнорирование или искажение последствий, дегуманизация, приписывание вины.

Автор опирается на концептуальные положения психологии А. Бандуры, выделившего наиболее типичные оправдательные механизмы, позволяющие отклоняться от жестких моральных притязаний, не испытывая чувства самоневажения.

Исследуя философско-психологические факторы «дедовщины», являющиеся своего рода оправдательными механизмами этого явления, автор приходит к выводу, что они выступают паттернами избегания самонаказания и потери самоуважения вследствие совершения предосудительных действий. Они могут не артикулироваться в момент совершения акта насилия, но, как правило, присутствуют в последующей рефлексии над своим поведением, когда происходит конфликт ценностей сформированных армейской средой и ценностей социального пространства, где идея насилия маргинализируется или носит завуалированные формы.

Ключевые слова: этика ненасилия, психология армейской службы, философия ненасилия, насилие и ненасилие, социокультурные факторы насилия, этика войны, конструирование человека, насилие в армии, дедовщина, психологические факторы дедовщины.

Review. Being a widely occurring form of extremism in the modern army, the phenomenon of dedovshchina or hazing is characterized by the non-statutory (violent) relations humiliating human dignity among the military personnel of conscription service. In her article Popova examines qualitative levels and hazing modalities (such as sociocultural, philosophical and psychological, ethical modalities) demonstrating a variety of the factors influencing aggression and distribution of violence in the army environment. The psychological mechanisms ensuring psychological safety and moral complacency are also considered. These include moral justification, substitution of notions, favorable comparison, responsibility rearrangement, distribution of responsibility, ignoring or distortion of consequences, dehumanization, and attributing of fault. The author is guided by the conceptual provisions of A. Bandura's psychology who defined the most typical justificatory mechanisms allowing to deviate from strict moral claims without feelings self-disrespect. Analysing the philosophical and psychological factors of «dedovshchina» as some kind of justificatory mechanisms of this phenomenon, the author comes to the conclusion that they act as patterns of avoidance of self-punishment and loss of self-esteem owing to commission of reprehensible actions. They can not be articulated at the time of commission of an act of violence, but, as a rule, are present at the subsequent reflection over the behavior when there is a conflict of the values created by the army environment and social values where the idea of violence is either disadvantaged or hidden.

Keywords: psychological factors of hazing, hazing, dedovshchina, human design, ethics of war, violence in the army, sociocultural factors of violence, violence and non-violence, non-violence philosophy, psychology of army service, ethics of non-violence.

Дедовщина, как широко распространившаяся форма экстремизма в современной армии, характеризуется неуставными унижающими человеческое достоинство (насильственными) отношениями среди военнослужащих срочной службы.

Исследование причин распространения дедовщины в первую очередь указывает на наличие ряда признаков, характеризующих специфический статус армии в целом: уничтожение любого агрессора, посягающего на территориальную целостность страны (легитимация насилия), социальный изоляционизм (отсутствие коммуникативных связей с обществом), неисполнение должностных обязанностей офицерами (отсутствие контроля за поведением старослужащих), нарушением статусно-ролевых позиций и маргинализация индивида (потеря субъективной идентификации), попавшего в армию.

Исследование феномена дедовщины целесообразно начинать с выделения ее качественных уровней, модальностей дедовщины. Модальности дедовщины отсылают к особенностям восприятия данного явления в соответствии с выдвигаемыми исследовательскими задачами. Нас, в частности будет интересовать дедовщина как социокультурный, философско-психологический и этический феномен.

1) Социокультурная модальность дедовщины

Дедовщина рассматривается в качестве определенного инварианта, для которого характерен ряд устойчивых типичных воспроизводящихся во времени характеристик. К ним могут быть отнесены: ритуальный перевод военнослужащего из одной неформальной группы (по сроку службы) в другую с изменением статусной позиции, с присвоением «чужому» (маргиналу, изгою) идентичности «своего» («нормального», полноценного) члена сообщества, обладающего его «сакральным» знанием, сохранение иерархической структуры власти с четким распределением ролей, наличие определенных внешних признаков отличия между старослужащими и новобранцами, «присвоение имени» при смене статусной позиции и др. Дедовщина зачастую рассматривается как современный эквивалент инициации внутри закрытого иерархически организованного социального пространства, где на основе ограниченных связей с внешним миром формируется особая микросреда, со своими вну-

тренными ценностными установками и особой динамикой развития, характеризующегося жесткими властными отношениями. Вместе с тем дедовщина может быть охарактеризована как феномен, резко выделяющийся из этих имевших место в истории или распространенных в настоящее время социальных практик. Дедовщина хотя и заимствует некоторые характерные для них черты или имеет сходство с ними (иерархия власти, лиминальные переходы, «мистерия молчания» и др.), тем не менее, отличается по сравнению с ними противоположными целевыми установками и направлена не столько на адаптацию субъекта, попавшего в армию, сколько на поддержку вертикальных властных механизмов силовыми методами.

2) Философско-психологическая модальность дедовщины

Исток дедовщины может быть найден в особенностях человеческой природы, с ее внутренним конфликтом палача и жертвы. Характеризуя человека как существо расщепленное, находящееся в перманентном онтологическом кризисе самопонимания, мы смещаем исследование особой формы социального конфликта, который мы подразумеваем под дедовщиной, в сторону исследования неоднородности и многослойности психических явлений, которые в процессе экстернализации в ткань социальной жизни способны принимать зловещие антисоциальные формы. Проблема социума заключается в том, чтобы сделать процесс проекции психического содержания приемлемым для как для индивида, так и для социума, найти цивилизованные альтернативы насилию и выработать механизмы их трансляции в социальные институты и на уровень формирования установок отдельного индивида.

3) Этическая модальность дедовщины

Дедовщина представляет собой пример локального нормативного регулирования, возникающего в особой закрытой среде – армии. В исследовании феномена дедовщины целесообразно отталкиваться от идеи Уолцера о том, что сфера обычаев и институтов является санкционирующей моральные обязательства, а не является лишь своего рода приложением универсального морального закона, отклонением от универсальной транскультурной общечеловеческой морали. Современное состоя-

ние этики характеризуется отсутствием единого нормативного регулирования и применением норм профессиональной этики («малых этик») в различных сегментах социальной жизни. Имеющиеся общечеловеческие практики в рамках конкретной деятельности задают особое содержание внутреннего блага как стандарта качества этой деятельности. Истоки морального опыта, выведенные из различия опыта самой человеческой деятельности, характеризует концептуальная несоизмеримость моральных аргументов (А. Макинтайр). В связи с этим исследование дедовщины невозможно как определенное теоретизирование с претензией на вынесение вердикта от лица универсальной морали, а должно неизменно сопровождаться выявлением и анализом позиций субъектов, личностно соприкоснувшихся с реалиями армейской жизни, привнесением в этический анализ адекватной оценки сущности армейской жизни.

Модальности дедовщины, отмеченные нами, артикулируют чрезвычайно важную проблему: как возможна адаптация субъекта в армии. Попытки решения данной проблемы неизбежно сопряжены с учетом определенных уточняющих условий, характеризующих, во-первых, российские особенности протекания армейской службы, и, во-вторых, специфические черты ее протекания в любых социальных условиях. К первым относятся:

- ценностно неоднородное, более того, кризисное состояние социальной жизни, параллелизм сосуществования пацифистских и милитаристских тенденций, артикуляция идеи прав человека при низком уровне сформированности правовой культуры, распространении правового нигилизма.
 - социокультурная терпимость (общее попустительство) к имеющим сходство с ритуальными насильственными практикам, оценка их в качестве целесообразных.
- Ко вторым:
- наличие острой необходимости «воспитать» солдата в жестких пространственно-временных рамках (дефицит времени и дефицит личностных границ в едином пространстве быта (бытия)),
 - инертность человеческой природы, выражающейся в низкой степени мотивации к самодисциплине и саморазвитию.

Дедовщина, равно как и другие унижающие человеческое достоинство практики локальной микровласти в закрытых (или полузакрытых) кол-

лективах (хэйзинг, буллинг, моббинг) демонстрирует усиливающийся кризис регуляции отношений между людьми и кризис идентичности морального субъекта, запутавшегося в отголосках норм уходящих традиций (религиозных, семьи, школы и др. социальных институтов).

С другой стороны, дедовщина представляет собой практику, демонстрирующую откат к архаичным (до моральным) формам сознания, а, следовательно, в армейском коллективе, где это явление распространено, мы имеем дело с досубъектным типом отношений, предполагающим взаимодействие не столько между личностями, сколько между элементами массы. Сознание приоритета коллективных целей над личностными установками как повседневное требование армейской жизни в дедовских практиках принимает форму культурного экстремизма. Неуставные унижающие человеческое достоинство (насильственные) отношения, характеризующие дедовщину, а также ряд отмеченных выше родственных ей явлений, санкционируют моральные обязательства в негативном смысле: они замещают универсальную человеческую мораль локальными нормами конкретной среды, а через носителей этих норм воздействуют в дальнейшем на культурное Целое.

Кризис армии, на который указывает распространенность дедовских практик, мог бы быть обозначен в терминах конфликта коммуникации различных социальных институтов, в особенности же он касается взаимоотношений государства, легитимизирующего насилие, и формирующейся системы гражданского общества, пытающегося в свою очередь установить контроль над незаконным вмешательством армии в дела общества и государства, стремящегося обеспечить развитие военно-служебных отношений на гуманно-правовой основе, с соблюдением прав и свобод военнослужащих.

Проблема дедовщины в контексте апологии насилия

Явление дедовщины указывает также на проблему коммуникации различных уровней сознания субъекта, попавшего в армию: досубъектного уровня (в основе которого лежат инстинктивная, не регулируемая мотивация поведения, в том числе ориентация на насилие) и высших форм сознания (образующих структуру морального субъекта). Очевидно, что процесс субъективной коммуникации испы-

тывает кризис, подвергаясь воздействию определенных внешних условий. Конфликт отношений, подразумеваемый под дедовщиной, во многом обусловлен самой сущностью армии, созданной для осуществления или предотвращения насилия. При отсутствии внешних факторов реализации насилия, насилие может сублимироваться внутри структуры самой армии, то есть выплескиваться в рамках структуры самой армии. Логика армейской службы выстроена с опорой на возможное, но не необходимое будущее (потенциальные войны). При долговременном отсутствии актуализации будущего в мирное время, оно способно трансформироваться во вспышки аутоагрессии. Об этом свидетельствуют достаточно жесткие физические практики, которые ассоциируются с дедовщиной или такие крайние, но также распространенные явления, как нападение солдат на офицеров и местное население, дезертирство, самоубийства и др.

В самом широком плане проблема дедовщины в армии – это проблема насилия как такового. Глубинным социокультурным и одновременно биологическим основанием воспроизводимости дедовщины, ее «живучести» является социокультурная легитимность насилия. Агрессия, присущая человеку на биологическом уровне, не только сдерживается культурой, но и провоцируется ею. Культура способна закреплять определенные формы насилия в качестве освоенных, а потому человеческих модусов бытия (например, формы визуального насилия в искусстве, виртуального в глобальной сети, способные поддерживать и транслировать в пространстве и времени идею необходимости, неизбежности и даже этичности насилия). Установки к определенному образу действий формируются новыми аудиовизуальными средствами, с использованием огромного количества спецэффектов: идея насилия эстетически завораживает, подается как одна из граней прекрасного.

Выступая в различных пространственно-временных формах, грубых и утонченных разновидностях, насилие всегда прикрывается личиной естественности и нормальности, сублимируясь в соответствии с социально-культурными стереотипами, мифологемами общественного сознания и спецификой функционирования общественной системы. Насилие в армии представляет собой воспроизводимые социальные отношения, характеризующиеся:

- фактором неразглашения информации (старослужащие заставляют молодых не разглашать о неуставщине;

- фактором дискурсивного (коммуникативного) насилия (использование унижительных кличек по отношению к новобранцам, распространение нецензурной лексики, «похабщины» и т.д.);
- фактором круговой поруки (старослужащие не могут отказаться стать дедами, чтобы в противном случае не стать изгоями);
- фактором социокультурной терпимости к имеющим сходство с ритуальными насильственными практикам при
- общем попустительстве государства и стремлении отдельных лиц извлечь пользу из распространения неуставных отношений.

В связи с этим феномен дедовщины может быть рассмотрен в качестве специфического варианта распространенных культурных практик, связанных с использованием элементов инициации внутри закрытого иерархически организованного социального пространства групп, где на основе ограниченных связей с внешним миром формируется особая микросреда, со своими внутренними ценностями, установками и особой динамикой развития, характеризующейся жесткими властными отношениями, поддерживаемыми как на локальном, так и на широком социокультурном уровне.

Необходимо подчеркнуть, что дедовщина – прежде всего функционально выгодный феномен, и ее искоренение оказывается невозможным без устранения политических, экономических и социокультурных причин деградации армии. Их наличие дает право утверждать, что отсутствие дедовщины приведет к тяжелым социальным последствиям: исчезнет технологическая дисциплина, позволяющая поддерживать технику в рабочем состоянии; станет невозможным проводить учения; солдатская масса станет терроризировать окрестное население за пределами части (деды избивают молодых, но местное население почему-то не трогают), санитарное состояние частей ухудшится, возрастет количество актов вандализма по отношению к армейскому имуществу, количество ЧП; возрастут безделье, пьянство, наркомания и проч. [1, с. 18-19].

Социальная стратегия оправдания дедовщины коррелирует с индивидуальной тактикой оправдания совершения насильственных действий. Механизм психологической защиты собственного образа Я (как в целом положительного существа) направлен на устранение или сведение к минимуму травмирующую личность переживаний, а также такую трансформацию этих переживаний, которая по-

зволит предупредить появление внутреннего дискомфорта личности, с присущем ему состояниями страха, тревоги. А. Бандура выделяет наиболее типичные оправдательные механизмы, позволяющие отклоняться от жестких моральных притязаний, не испытывая чувства самонеуважения. К ним относятся: моральное оправдание, подмена понятий, выгодное сравнение, перекладывание ответственности, распределение ответственности, игнорирование или искажение последствий, дегуманизация, приписывание вины. Попробуем представить проекцию данных психологических механизмов в апогетический контекст дедовщины.

1. Моральное оправдание.

Моральное оправдание дедовщины связано, как правило, с констатацией неизбежности выбора между ценностями индивидуальными и коллективными в пользу последних. Достаточно распространенным аргументом в пользу дедовщины является утверждение необходимости морального унижения новобранца, его «слома» для достижения групповой сплоченности, боевой солидарности и т.д. Дедовщина также оправдывается и другими высокими целями, например, правом на сохранение жизни. Моральная мотивация предосудительных действий выражается типичными суждениями: «я унизил его, чтобы сохранить себе жизнь», «я унизил его, чтобы сохранить нашу жизнь» и даже «я унижу его сейчас, чтобы помочь ему сохранить жизнь во время войны». Дедовщина, таким образом, связана с выстраиванием внутренней иерархии целей и ценностей, в которой могут присутствовать как эгоистические, так и альтруистические компоненты, которые преимущественно связаны с выбором в пользу коллективных ценностей и игнорированием ценности индивидуальности как таковой.

2. Подмена понятий.

Дедовщина в пространстве современной культуры оценивается двояким образом: и как особое проявление насилия, и, с другой стороны, в качестве особого ритуала, а также как вид игры для взрослых. Следствием такой подмены понятий (или неоправданного расширения содержания понятия) является формирование интродуцированной лояльности к дедовщине, выражающейся в повышении вероятности совершения насильственных

действий без потери самоуважения, угрызений совести и т.д. Современный человек зачастую пытается связать свою идентичность с отголосками тех или иных традиций, он испытывает ностальгию по архаике. В связи с этим достаточно распространенная оценка дедовщины в качестве элемента архаической культуры не вызывает должного противодействия, не подвергается табуированию.

Артикуляция архаических составляющих культуры происходит в контексте интенсивного развития масс-медиа. Современные компьютерные технологии создают игровые продукты, где главными действующими лицами становятся герои, проходящие ряд испытаний, как правило, очень жестоких. Развитие современных информационных технологий способно делать насилие визуально привлекательным. В глобальной сети, например, успехом пользуется виртуальная игра «Дедовщина», где участникам-солдатам предлагается проходить различного рода испытания-инициации, прежде чем он станет дедом. Виртуальная реальность позволяет в игровой форме снимать социальную напряженность по отношению к дедовщине, придавая ей ореол героической романтики, а армейские поведенческие стереотипы бессознательно усваиваются и воспроизводятся в различных сферах жизни.

Формирование доверия населения к армии является чрезвычайно важной задачей внутренней политики любого государства. Ее осуществление возможно с использованием мягкой технологии «подмены понятий». Так, идеологическая миссия сайта министерства обороны Республики Беларусь, посвященного ознакомлению детей с армейской системой, состоит, очевидно, в формировании позитивного мышления относительно армии. Его основания закладываются уже на уровне дефиниций, таких как, «казарма – это большой и уютный дом, в котором живут солдаты и сержанты» [2]. Архетип большой дружной семьи подразумевает пространство толерантности, которой так не хватает современному обществу, и армии как ее зеркальному отражению. Одновременно – это и возможность будущей толерантности к социальным отношениям, уже сложившимся в армии, к оправданию ее самых жестоких практик через «мнимую» причастность семейным ценностям.

Возможность искоренения насилия в армии через изменение соответствующего дискурса и формирования лояльности к армии в процессе социального развития слабо артикулирована в современной российской культуре. Однако уже обсужда-

ются проекты повышения уровня доверия к армии, например, через выпуск игрушек, имитирующих армейскую жизнь и тем самым через изменения дискурса об армии. За этим скрывается идея, что сохранение насилия в языке – мощная детерминанта сохранения институционального насилия.

3. Выгодное сравнение.

Неблаговидные поступки могут оправдываться при рассмотрении их в более широком контексте, благодаря выгодному сравнению. Принцип выгодного сравнения обосновывает логику выбора меньшего зла.

Принцип выгодного сравнения, введенный в контекст философии морали, в может подразумевать вынесение моральной санкции на совершение тех или иных действий, которые могут входить в противоречие с нравственными запретами, однако способны предотвратить более масштабное нарушение этих же запретов или, в контексте абсолютистской этики прав человека, допускает или даже требует совершения таких действий, которые «нарушают право одного или нескольких человек ради значительного сокращения количества нарушений того же самого права или иных прав либо ради предотвращения существенного роста подобных нарушений» [3, с. 124].

Оправдание преступных действий, совершенных над солдатами, часто строится путем сравнения противоправных действий, совершаемых в российской армии, с эквивалентным, а то и более жестоким опытом других стран. На основе подобных сравнений, а также на основе выгодного сравнения дедовщины с различными историко-культурными вариантами насильственных практик в отношении новобранцев делается вывод о невинности российской формы военного произвола и «естественности» дедовщины.

4. Перекалывание ответственности.

Способность нарушить моральные принципы зачастую связана с механизмом перекалывания ответственности. Поддержка, подкрепление тех или иных действий авторитетным лицом порождает феномен списывания ответственности. Поскольку формирования духа армии происходит в рамках парадигмы беспрекословного подчинения и безусловного выполнения приказа, то применение «дедовских» методов обучения сопровождается пере-

калыванием ответственности либо на офицеров, допускающих и поощряющих подобное поведение или на других авторитетных старослужащих, также мотивирующих к применению жестких методов воздействия на новобранца.

5. Распределение ответственности.

Образовательная метафизика жестокости носит **вынужденный** характер. **Вынужденный** характер дедовщины обусловлен круговой порукой этой практики и указывает на необходимость быть как все, звеном массы: «Пройдя ступени «духа» и «фазана» «мужчина» – по законам жанра – становится «дедом». Причем не просто становится, а он ОБЯЗАН по существующим неписанным понятиям им стать. И опять же круговая порука здесь также не дает сбоя. Если «посвящение» в деды не будет пройдено – а заключается оно в обязательной неуставщине по отношению к «молодому» (по сути это единый «обряд», хотя принято говорить почему-то лишь об одной его составляющей) – то не прошедший его старослужащий гарантированно становится изгоем в среде своего призыва» [4]. Круговая порука становится способом трансляции знания и вместе с тем устойчивым стереотипом поведения. Круговая порука – это возможность отойти от проблемы осознания своей собственной девиантности (что солдат испытывает на входе в армейскую среду) и обрести устойчивую идентичность. И устойчивый хабитус к насилию.

6. Игнорирование или искажение последствий.

В закрытом армейском коллективе остро ставится проблема обоснованности применения насилия в воспитании человека как солдата. Обратим внимание на то, что проблема поиска быстрой и наиболее простой технологии воздействия на новобранца, технологии дисциплинирования и воспитания его инертного тела осуществляется в жестком режиме армейского функционирования классической установки-предписания: «**нет времени**» (еще более актуализирующейся с сокращением срока службы и появлением новых видов вооружения, требующих длительного периода освоения). Данная установка обуславливает применение таких технологий обучения, которые способны принести быстрый эффект. Речь идет о технологиях насилия.

Введем ситуацию обращения с солдатом срочной службы в более широкую проблематику обуче-

ния и воспитания, позволив себе литературно-художественную проекцию.

В романе Б. Стругацкого «Бессильные мира сего» артикулируется проблема: как создать Человека Воспитанного без применения самых жестких форм насилия. Процесс обучения всегда строится на применении эффективных технологий. Насилие способно оказывать самый быстрый эффект при достижении поставленных целей. В идейном содержании роман представляет собой диалектическую игру между двумя тезисами: во-первых, цитатой Д. Хармса: «Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но этого не делает» и, во-вторых, утверждением в лирическом отступлении, что «...самый упорный солдат, который обманутый. На правде солдата не воспитаешь, а воспитывать приходится, куда деваться, иначе они же тебе же на голову и сядут...». Дальнейшая интрига конституируется двумя положениями: необходимостью обмануть человеческую природу, зная, что она – вещь инерционная и быстро деградирующая без внешней стимуляции (подчас жестокой) и, с другой стороны, необходимостью приспособиться к жизни, когда сам процесс насилия над собой, трансформации себя, саморазвития будет выталкивать тебя из привычных сложившихся условий существования и мешать тебе жить. Первая проблема – это проблема особенностей армейского воспитания как такового, вторая проблема подразумевает выход за хабитус, сформированный в процессе такого воспитания, с целью социальной адаптации.

Выбор приоритетов развития в обычной (нормальной) жизни, как правило, всегда остается за личностью, однако, когда мы касаемся экстремальных условий или экстремальной социальной среды, возникает проблема – может ли Другой взять на себя право выбрать этот приоритет, сориентировать его бытие на бытовую адаптацию (быть бессильным, но довольным) или на бытийственный дизадаптоз, с его постоянным недовольством собой, самокритикой и стремлением выйти за грани своих возможностей, однако именно за это достойным уважением. Причем сориентировать, не гнушаясь возможными методами приведения к Истине.

В романе раскрывается конкретная ситуация: главный герой повести – Сэнсей – берёт на себя смелость через насилие раскрыть дар своего ученика. Наставник, в жёстком режиме дефицита

времени и не гнушаясь жестокими методами принуждения, раскрывает его возможности до их пределов. Ученик в результате оказывается доволен – он полностью осознает невозможность такого стремительного роста без внешнего насилия над своей природой. Однако его Учитель оказывается перед фактом горьких раздумий о приемлемости любых средств для достижения высшей цели. Насилия Другого, он по сути, убивает себя как Учителя, агрессия в конечном итоге оказывается ауто-агрессией. Социальные эффекты от применения насилия ужасают. Убит один (Интеллигент), сломлен другой (ученик), хотя и достигший размаха своих способностей. Символично, что в конце повествования сэнсей изображен в хосписе. Он убит самой судьбой и закрывает проект себя как Учителя.

Парадигме быстрого воспитания в экстремальных условиях через насилие в романе противостоит идея поступательного изменения человека и общества. «Если ты хочешь, чтобы через сто лет что-то в этом мире изменилось, начинай прямо сейчас. Божьи мельницы мелют медленно». Эффект быстрого достижения успеха терпит фиаско перед законами истории и индивидуальной хронологии.

Анализ текста Б. Стругацкого показателен в плане постановки следующих проблем армейской, да и всей социальной жизни: обоснованности применения технологий насилия для осуществления эффективного действия, конфликта норм индивидуальной и коллективной этики в социальных институтах закрытого типа, игнорирования эффектов совершенных действий по истечению определенного срока времени. Остановимся на них более подробно.

Технологии насилия, как правило, не предусматривают выявления долгосрочных непредсказуемых негативных социальных эффектов, а, согласно достаточно распространенной в армейской среде точке зрения, помогают достичь результата в нужном месте в нужное время. Несмотря на то, что целесообразность применения этих технологий обосновывается нехваткой времени, их более глубокая причина кроется в отсутствии в современной армии ориентации на развитие «личности», девальвации концепта «личность» в практической армейской жизни. Специфические особенности протекания армейской службы связаны с тем, что армия унифицирует, и является не курсом личностного развития, а структурой, приобщающей индивида к выполнению надындивидуальных целей. От солдата требуется быстрое приобретение

новых навыков и столь же быстрое формирование новой организации телесности, реагирующей на поставленные задачи. Потакание индивидуальным темпам развития, учет индивидуальной хронологии обучения противоречит главной задаче армии – формированию боеспособного коллектива в отведенных временных рамках.

Попутно хотелось бы подчеркнуть, что технологии ускорения процесса образования и воспитания достаточно широко распространены в различных типах организаций. Использование униженного обращения с учениками в школе для «пропаганды» знания или применение и распространение подобного унижения в офисной среде: для быстрой мобилизации и поддержки жизненного тонуса сотрудников, а также употребление наркотических и спиртосодержащих веществ для стимуляции творчества, равно как и «дедовские» методы воздействия на человеческое тело – явления родственные. Они демонстрируют «расползание» идеи насилия в различных очагах современного социального пространства и закрепление определенных механизмов его распространения в информационном пространстве.

Этическая децентрализованность и идейный плюрализм способствуют прорастанию собственных нравственных кодексов субкультур, которые затем транслируются во все сферы жизни, конкурируют с этическими нормами других локальных сред и идеологией самого государства, корректируя и замещая ее. «Психология прямого действия» становится единственной из всех возможных психологий.

А. Бандура отмечает характерную черту принципа игнорирования или искажения последствий: чем дальше люди отстраняются от ужасных последствий их поведения, тем меньше оно их гнетет. «Я просто запустил бомбы, и они исчезли в облаках» [цит. по: 5, с. 330]. В современном мире со сложными сетевыми социальными связями ответственность сложно возложить на плечи конкретного субъекта. Как правило, всегда, находится основание для распределения, точнее «распыления». В армии ответственность за нанесение, например, телесных повреждений, может распределяться между офицерами, покровительствующими дедовским практикам, другими «дедами» и «духами», как правило, участвующими в групповых избиениях. В связи с этим практика вменения вины сталкивается с проблемой четкого определения субъекта преступления.

7. Дегуманизация.

Дегуманизация подразумевает оценку человека по определенным критериям, несоответствие которым исключает его из числа «нормальных», полноценных членов коллектива. С недочеловеками обращаются как с рабской силой, они становятся источником заработка или сексуального наслаждения. В закрытом армейском коллективе принцип дегуманизации может касаться не только новобранцев, но и старослужащих, если они отличаются от большинства членов группы своими религиозными взглядами или национальной принадлежностью. Как отмечает А. Бандура, «когда человека или группу дегуманизировали, члены этой группы больше не обладают чувствами, верой и убеждениями, и их можно подвергать жестокому обращению без риска самообвинения» [цит. по: 5, с. 330].

8. Приписывание вины.

Механизм действия принципа приписывания вины состоит в такой оценке поведения жертвы, которая оправдывает безнравственные действия по отношению к ней.

За актом совершения акта насилия в армии, как правило, стоит определенный миф о насилии, насилие не совершается просто так, оно обосновано определенными убеждениями, например, такими: «Меня били, я не отвечал, пока был молод, но пришло время – стал отвечать, когда стал «дедом». Иначе тебя на нормальном языке, не понимают. В армии процентов на 90 слов не понимают, поэтому приходится вразумлять. Люди приходят в армию из другой жизни и за краткий срок нужно сделать их воинами... Быстро перестроиться не получается, и поэтому приходится убыстрять процесс физическим воздействием, или упражнениями» [6].

Аргументы, выдвигаемые в пользу оправдания насилия в армии, всегда строятся на предпосылке осуществления дискриминации для «блага» дискриминируемого лица или (чаще) для блага всей группы. Сам же механизм реализации представлений о благе основан на корректирующей справедливости. Буквально это означает проявление реакции возмездия за причиненное зло, за испытанное насилие. Однако вектор этой реакции направляется, как правило, не на источник травмирующих переживаний, а по нисходящей армейской иерархии – на того, кто не способен от-

ветить на зло, кто «не понимает», у кого нет «права голоса». Обидчик однако способен также стать целью отмщения и на горизонтальном уровне по окончании срока службы (в рамках выяснения межличностных отношений). Кроме того, специфической разновидностью реализации насилия выступает попытка построения горизонтальных, например, внутрисемейных отношений по армейскому (дедовско-духовскому) эталону. В этом случае уязвимыми могут оказаться другие члены семьи, как правило, женщины и дети.

Оправдательные механизмы, отмеченные нами выше, являются своего рода паттернами избегания самонаказания и потери самоуважения вследствие совершения предосудительных действий. Они могут не артикулироваться в момент совершения акта насилия, но, как правило, присутствуют в последующей рефлексии над своим поведением, когда, очевидно, происходит конфликт ценностей сформированных армейской средой и ценностей социального пространства, где идея насилия маргинализируется или носит завуалированные формы.

Список литературы:

1. Дедовщина в армии: сборник социологических документов / Сост. С. Белановский, С. Марзеева. М., 1991.
2. Детям об армии. (URL: <http://www.deti.mil.by>).
3. Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Выпуск 9. М.: ИФ РАН, 2009. (URL: <http://www.deti.mil.by>).
4. Кононенко М. Зачем государству нужно физическое и психологическое насилие в Армии. (URL: <http://tapirr.livejournal.com/2126599.html>).
5. Хегенхан Б., Олсон М. Теории научения. СПб.: Питер, 2004.
6. Священник Димитрий Куминов. Армия-сильное искушение: и в физическом, и в духовном отношении. (URL: http://www.k-stine.ru/morals/patriotism_pskov_eparhija.html).
7. Попова О.В. Социокультурное конструирование человека военного (на примере анализа неуставных отношений в армии) // Человек и культура. 2014. № 5. С. 32-49. (DOI: 10.7256/2409-8744.2014.5.14499. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_14499.html).
8. Никольская А.В. Социально-психологические аспекты межвидового взаимодействия // Психология и психотехника. 2012. № 7. С. 48-54.
9. Перов Е.В. Теория и анализ социальной конфликтности общества // Вопросы безопасности. 2013. № 5. С. 67-141. (DOI: 10.7256/2409-7543.2013.5.2308. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_2308.html).

References (transliteration):

1. Dedovshchina v armii: sbornik sotsiologicheskikh dokumentov / Sost. S. Belanovskii, S. Marzeeva. M., 1991.
2. Detyam ob armii. (URL: <http://www.deti.mil.by>).
3. Prokof'ev A.V. Vybora v pol'zu men'shego zla i problema granits moral'no dopustimogo // Eticheskaya mys'. Vypusk 9. M.: IF RAN, 2009. (URL: <http://www.deti.mil.by>).
4. Kononenko M. Zachem gosudarstvu nuzhno fizicheskoe i psikhologicheskoe nasilie v Armii. (URL: <http://tapirr.livejournal.com/2126599.html>).
5. Khegenkhan B., Olson M. Teorii naucheniya. SPb.: Piter, 2004.
6. Svyashchennik Dimitrii Kuminov. Armiya-sil'noe iskushenie: i v fizicheskom, i dukhovnom otnoshenii. (URL: http://www.k-stine.ru/morals/patriotism_pskov_eparhija.html).
7. Popova O.V. Sotsiokul'turnoe konstruirovaniye cheloveka voennogo (na primere analiza neustavnykh otnoshenii v armii) // Chelovek i kul'tura. 2014. № 5. S. 32-49. (DOI: 10.7256/2409-8744.2014.5.14499. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_14499.html).
8. Nikol'skaya A.V. Sotsial'no-psikhologicheskiiye aspekty mezhvidovogo vzaimodeistviya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2012. № 7. S. 48-54.
9. Perov E.V. Teoriya i analiz sotsial'noi konfliktogennosti obshchestva // Voprosy bezopasnosti. 2013. № 5. S. 67-141. (DOI: 10.7256/2409-7543.2013.5.2308. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_2308.html).